ИЗМАИЛЪ УРАЗОВЪ

ГОЛУБЕЛЬ

СТИХИ

КН—ВО
„ЛАГУНЫ“
МОСКВА
1918.

Книги Измаила Уразова:

Цвѣтныя стекла стихи. кн—во „L'oiseau Bleu". Петроградъ 1917.
Голубель. Стихи. Кн—во „ЛАГУНЫ". Москва. 1918.
Современные татарскіе поэты, переводы. (Готов).

ИЗМАИЛЪ УРАЗОВЪ

ГОЛУБЕЛЬ

стихи.

МОСКВА
1918.

И вотъ за рощею разросшеюся лѣтъ
Хвала—безпамятная колыбель
Отъ имени лѣсного голубель.
Григ. Петниковъ.

Какъ и я по кричащимъ книжкамъ
Лишь походку твою оставилъ
Николай Асѣевъ.

Григорію Петникову.

Вы въ небо закинули флаги,
кричали—но какъ на зло вамъ
я воздухъ усталый погладилъ
отъ нѣжности тающимъ словомъ.

Ласку узнавшій въ бреду мою
вѣтеръ задышитъ порывистѣй,
но—новую нѣжность придумаю
чтобъ сини не въ силу вынести.

А въ небѣ прорвалась просинь
въ миражи горящихъ маревъ—
восторги зажжемъ и бросимъ.
тайною міръ ударивъ.

17/IV 18 г.

N7

Дыбятся броскими взмахами
блёстками взлеты, сниженья—
дни обожженные плахами
нижутся въ цѣпкія звенья.

Только рвануть—и разсыпятся
дробью по сѣрымъ обоямъ—
матери слезы и всхлипъ отца
сумракъ томительно взроетъ.

А тѣло ненужный комъ лишь
желтый, какъ куклы въ музеяхъ,
и можетъ быть ты только вспомнишь
любимое мѣсто на шеѣ.

Это ли тѣло ты такъ
гладила, желтое, гладила,
и въ черныхъ глазахъ закрытыхъ
не будетъ влюбленныхъ взглядовъ,

Не вѣрю, не вѣрю, не вѣрю,
не вѣрю, что будетъ судъ.
И хлопнутъ прощально двери
и въ землю меня унесутъ.

ХОЛЩЕВЫЯ НЕБЕСА

Den Gaucler und
Dichter sind gar
nahe ferwandt,
suchen und sinden
sich gern.
W. Goethe.

I.

Подъ громъ дешеваго оркестра,
гдѣ выдѣлялся барабанъ
ты, смерти нѣжная невѣста,
влюблялась въ призрачный обманъ.

Песокъ арены взбитъ копытомъ,
ты ждешь сигнала чтобъ взлетѣть—
канатъ, старинный другъ, испытанъ,
а скрѣпы вѣрно вяжетъ мѣдь.

Поютъ огни; гудятъ гобои,
какъ въ дѣтствѣ боль отъ жалобъ трубъ—
подъ небомъ платье голубое
и пудра дѣтскихъ плечъ и рукъ.

На сѣромъ сумракѣ холста,
закрывъ глаза плывешь шатаясь,
но шумъ галерки захлесталъ
и вальсъ срываясь таетъ, таетъ .

Я знаю-маленькое сердце
сжимаясь бьется больно, больно,
о, если бъ только опереться
и стать свободной и безвольной,

но заглушаетъ барабанъ
какъ молятъ скрипки о пощадѣ;
и вотъ, влюбленная въ обманъ,
ты выпиваешь кубокъ съ ядомъ.

II.

Такъ надоѣлъ глазамъ кнутъ,
лошадь и тотъ же брезентъ—
ночью томительной замкнутъ
жуткій, короткій моментъ.

Сидѣть и ждать въ уборной,
гдѣ запахъ конюшни слышнѣй—
и слушать мотивъ упорный,
и щелканье рѣзкихъ бичей.

А послѣ семьи акробатовъ
выждавъ—лишь смолкнетъ гамъ,
сердце сжигать за плату,
[illegible] сердце зажженое вамъ.

И только въ день бенефиса
выйти не разъ, а три,
и ждать какъ въ раскатахъ биса
красные бросятъ цвѣты.

А въ ложахъ все тѣ же лица,
а куполъ все такъ же высокъ—
и снова вдвоемъ—Царица
и ждущій ее песокъ.

III.

Вчера лишь разжала любовь щипцы,
вѣдь ласка до капли вся выпита,
а небо, какъ платье танцовщицы,
все звѣздными блесками вышито.

Въ шелкахъ шелестяще шуршащихъ
ты шубою куталась куньей,
садилась въ уборной на ящикъ,
безпечно смѣялась, плясунья.

Потомъ, опьяненные снѣгомъ,
закутавшись въ ласковый мѣхъ
неслись мы въ утонченной нѣгѣ,
въ рѣшеткѣ мелькающихъ вѣхъ.

День каждый былъ снова какъ первый,
любовь превратилась въ наркозъ,
уснули усталые нервы
и ночь отдыхала отъ слезъ.

И только однажды сказала,
сказала плаксиво смѣясь,
что завтрашній путь до вокзала
промчимся въ прощальный мы разъ.

Плясунья уѣхала съ труппой,
сложивъ, увезли балаганъ—
директоръ, кричавшій какъ въ рупоръ
и клоунъ задира буянъ.

Какъ прежде все въ городѣ сонно,
лишь флага надъ куполомъ нѣтъ,
а въ сердцѣ, къ зимѣ обнажонномъ,
увялъ двухнедѣльный расцвѣтъ.

IV.

О, этотъ сбивчивый, застѣнчивый мотивъ
изъ старенькой, забытой оперетты—
закрывъ глаза, быть можетъ все забывъ,
горитъ кружась танцовщица Пьеретта.

Ей, вѣроятно, только восемьнадцать лѣтъ,
а тѣни глазъ подведены такъ густо;
оркестръ прислалъ двусмысленный отвѣтъ
улыбкѣ тающей ушедшей грусти.

И небо изъ холста десяткомъ лунъ объято,
а на аренѣ каждый шагъ заплеванъ—
здѣсь только что кривлялся клоунъ
и на коняхъ ломались акробаты.
Такъ каждый день. И снова каждый вечеръ
бѣлѣютъ на пескѣ напудренныя плечи.

Песчанный вѣтеръ не развѣетъ
печали черныхъ глазъ Гафизовъ—
пошлетъ влюбленность вѣтру вызовъ
и расцвѣтетъ въ пескахъ сильнѣе.

Плывутъ миражи изъ тумана—
мечеть, оазисъ, караванъ...
Восторженный, онъ снова пьянъ
и шепчетъ строфы изъ Корана.

Глазамъ томительно смотрѣть,
призывенъ голосъ муэдзина
вдали—Священная Медина,
а путь—расплавленная мѣдь.

ВЧЕРА.

Послѣдній день моей печали
былъ первымъ днемъ моей тоски,
когда отъ прошлаго отчаливъ
я склеилъ радостей куски...
Измаилъ Уразовъ.

I

Аліэ—женѣ моей

Совсѣмъ, совсѣмъ какъ прошлый годъ
бѣлѣя вьется первопутокъ—
я помню твой дрожащій ротъ
когда сказала—Не могу такъ.

Теперь минуты хрупко ломки
скользятъ безшумные часы—
и только въ памяти обломки—
мерцанье глазъ и двѣ косы,

и только въ памяти скрижаляхъ
до смерти завтрашней отмѣченъ,
какъ ты, растаявшая въ даляхъ,
ушедшій, тихій, долгій вечеръ...

II

Оркестръ выплакивалъ въ скверѣ
поэму вчерашняго вечера—
мнѣ больше не во что вѣрить
влюбляясь въ случайныя встрѣчи.

Деревья въ сусальномъ золотѣ
роняли желтыя слезы—
въ сердце осеннемъ исколотомъ
восторгъ безпечальности ожилъ.

За скверомъ молился городъ
гулко вздыхая гудками—
еще улыбнусь, и скоро
брошусь въ щипящее пламя.

И день исковерканный солнцемъ
на вечеръ миражей промѣнянъ;
кладу за поклономъ поклонъ всѣмъ
и ночь засосетъ какъ время.

Молюсь переливамъ теченья
какъ капля безсильный и нѣжный,
въ душѣ не лелѣю надежды
и больше не знаю влеченья.

III

Я знаю, мнѣ вѣрить ужъ не во что
и въ жизни осталось одно лишь,
и ты, моя милая дѣвочка,
меня отъ себя не прогонишь.

А дни промельками такъ быстро вѣдь
и ночи струились неслышно,
о если бъ изъ памяти вытравить
тотъ вечеръ, душный и лишній.

Теперь запереть всѣ двери,
всѣ окна завѣсить наглухо,
оркестръ играющій въ скверѣ
не слышать грубый и наглый.

Небо смѣется глазами,
земля протянула мосты имъ,
міръ облачится въ пламя,
а мы—взаперти остынемъ.

IV

День мой давно не ярокъ,
въ солнце угасла сила—
ты догорѣвъ какъ огарокъ
свѣтлыя очи смежила.

Помню послѣднюю осень,
чуть удивленную бровь—
развѣ желанья не бросилъ
подъ поступь твоихъ шаговъ.

А ночи все глуше и глуше,
а дни все темнѣй и темнѣй—
и только лежать и слушать
и видѣть мельканье тѣней.

Вѣетъ съ твоей подушки
запахъ любимыхъ духовъ;
одному такъ страшно и душно
смотрѣть въ глаза образовъ.

Но ты не войдешь незримо,
и даже молчать не будешь—
твое серебристое имя
ночей не разбудитъ...

V

Не знаю счастье не сгоритъ ли,
не страшно ль станетъ ясныхъ словъ—
губами сохлыми молитвы
пошлю надъ тысячью головъ,

Въ окнѣ бѣлѣются дороги,
пути истоптанные странниками,
гдѣ истекали кровью ноги
и осушались слезы странъ вѣками.

И небо столь же голубое
съ печатью тысячъ, тысячъ лѣтъ;
вѣка зажженныя Тобою
обманный, синій стелютъ свѣтъ.

Растаетъ завтра какъ сегодня
и нѣтъ навѣки береговъ,
но я губами слово поднялъ
и брошу въ пасть Твоихъ вѣковъ.

Поймалъ на улицѣ улыбку
и въ жадномъ сердцѣ растворилъ.

Въ этотъ вечеръ вѣтеръ какъ то особенно всхлипывалъ,
бронзовые листья кружились томительно долго—
выходили усталые надышаться въ аллеѣ липовой,
отдохнуть отъ безцвѣтныхъ привычекъ и долга.
Сѣрѣли въ гавани уснувшія громады
чтобъ завтра тронуться на дальній, свѣтлый островъ,
а этимъ, ближнимъ ничего не надо
и все достигнуто и въ то же время просто.

И вотъ тогда въ толпѣ беззубой
мелькнула пара яркихъ глазъ
и чьи то ласковыя губы
еще не дряхлыя отъ ласкъ.
У всѣхъ улыбки искривленны,
а взгляды жадностью горятъ
и я единственный влюбленный
увидѣлъ нѣжный, нѣжный взглядъ.
И можетъ сердцемъ всѣхъ ничтожнѣй—
я стану первымъ отъ любви
и завтра станетъ все возможно,
когда улыбкой я обвитъ.
Шуми приливъ безсмѣнно зыбкій,
играйте флейты до зари—
поймалъ на улицѣ улыбку
и въ жадномъ сердцѣ растворилъ.

Ал. Потапову.

Не вы ли, отшельники вечера,
молили о новой побѣдѣ—
и вотъ я любовь расцвѣчивалъ,
а можетъ быть даже бредилъ.

Но въ день разгорѣлось побоище
и голосъ невѣрный грубѣй—
не выкрикъ ли слышенъ—Пропой еще
иронію нѣжныхъ любвей.

Вчерашній взлетѣлъ и умеръ вѣкъ
взорвался горящей ракетой—
въ печали сгущенныхъ сумерекъ
огнемъ задымилось лѣто,

но въ блесткахъ цвѣтущей цвѣли
не видно горящихъ далей
и нѣтъ ослѣпленному цѣли
той, что вѣками ждали.

Тоска двухлѣтняя близка намъ—
я вѣрю въ радость и восторгъ
и вѣдь не даромъ же расторгъ
я жизнь начертанную планомъ.

И вотъ теперь, уютъ покинувъ
пойду туда, гдѣ вѣтра вой—
земля любовь раскроетъ сыну
и камни лягутъ мнѣ травой.

Забуду прежній поединокъ
смирюсь, и снова все создамъ
и имя сладостное дамъ
и все солью я воедино.

Солнца на небѣ всѣ воспѣты
и вотъ стянулъ я лунный рогъ,
и въ небѣ новые зажегъ
еще невѣдомые свѣты.

Стихотвореніе „Вчера лишь разжала любовь щипцы“ было напечатано въ сборникѣ „Поэты на площади“ изд. „Союза искусствъ“. Стихотворенія I, II, III цикла „Вчера“ въ „Сѣверномъ изборникѣ“ изд. „Лагуны“. Остальные— впервые.

I. 80.

Москва. Б. Устинскій 3.

Тип. „Печатное Дѣло“